

Каждая пора Чи Шу была пропитана им, проникнута до глубины.

— Хозяин Бянь, — тело Чи Шу начало слабеть, но он все еще держался, — ты только что был немного холоден.

Бянь Янь на мгновение замер в шаге, затем развернулся и сел прямо рядом с Чи Шу, глядя на него:

— Внизу много процедур, людей тоже, боялся, что тебя потревожу.

Не слова извинения, но они трогали струны души еще сильнее.

— Я знаю, — Чи Шу протянул руку, провел по его ушной раковине, словно награждая, словно утешая. — Дразню тебя.

Глядя на напряженное и с невыразимой виной выражение лица Бянь Яня, Чи Шу находил его просто милым, тем самым милым, что растрогает сердце.

Чи Шу взял цветы и протянул Бянь Яню:

— Тебе.

Зелено-белые платикодоны были завернуты в матовую бумагу светло-серого цвета, на градиентных цветах висела красная веревочка, спускающаяся вниз, два буддийских амулета свисали между переплетенными стеблями.

Столкновение двух крайне контрастных предметов создавало невыразимое ощущение.

— Когда поднимался на гору, я увидел этот амулет, подумал о тебе и купил. Когда молился Будде, я видел, как они просят о желаниях, подумал о тебе и тоже искренне помолился, — Чи Шу вытащил цепочку и поднес к Бянь Яню. — Когда гулял, я увидел цветочный магазин, снова подумал о тебе и купил цветы.

Произнеся это, Чи Шу не дал Бянь Яню шанса отказаться, сразу же надел на его шею золотой буддийский амулет со своим детским прозвищем.

Приближаясь, он, обдавая теплым дыханием, спросил:

— Я, кажется, думаю о тебе постоянно, хозяин Бянь, а ты сегодня долго думал обо мне?

Соблазнительные слова вместе с дыханием Чи Шу проникли в голову Бянь Яня, вызвав бурю скрытого волнения.

У Бянь Яня затекла кожа головы, он смотрел на линию, скрытую под мягкой тканью одежды, и невольно протянул руку, чтобы прикоснуться.

В момент прикосновения, словно при замыкании цепи, стала передаваться температура.

Бянь Янь взял Чи Шу за затылок, прижал его к себе, в момент соприкосновения матовая бумага издала хрустящий звук, и изначально нежные цветы платикодона под давлением источили густой аромат.

Цветочный аромат смешался с табачным запахом, сожженный быстро растущей температурой тела, запах стал похож на тот, что возникает при смешивании аромата платикодона с дымом.

Любимый Бянь Янем запах самокруточного табака.

Бянь Янь губами коснулся виска Чи Шу, не пошел по теме того вопроса, а сказал:

— Ты сегодня утром не пришел.

— Я отправил тебе сообщение, — Чи Шу не оттолкнул его, обнял в этой неудобной позе. — Не видел?

Бянь Янь сжал руку:

— Я видел. Просто... не привык.

Не привык.

Привычка — страшная вещь.

Эти слова Бянь Яня сильно ударили Чи Шу в сердце, ударили так, что кровь прилила к голове, закружилась.

Это были не соблазнительные любовные речи, не сладкие утешительные слова, а самые обычные фразы, но самые смертоносные.

— Так обидно? — Чи Шу щелкнул Бянь Яня по голове и усмехнулся. — Значит, это я неправ.

— Нет, учитель Чи очень хорош, это я нехорош, — Бянь Янь опустил взгляд, снова поцеловал макушку Чи Шу, затем ослабил объятия и посмотрел на букет. — Испортил цветы.

Сказав это, он протянул руку и провел пальцем по белой рубашке Чи Шу:

— И запачкал одежду учителя Чи.

Зеленый цветочный сок по форме лепестков окрасил рубашку Чи Шу, сок сделал рубашку немного прозрачной, в момент, когда свет скользнул по ней, казалось, будто прямо на коже Чи Шу расцвел букет бутонов.

Невинно и туманно, словно мерцающий цветочный туман.

Чи Шу пошел за его мыслью, взял его руку и прикоснулся к своей рубашке:

— Что же делать, у меня скоро еще урок, вернуться переодеться, кажется, уже не успею.

Рубашка была тонкой, после пропитки соком стала, кажется, еще тоньше, в момент, когда палец Бянь Яня коснулся ее, можно было почувствовать исходящее от ткани тепло и нежность под рукой.

Дыхание Бянь Яня застряло, он с трудом подавил нахлынувшие эмоции, отдернул руку и встал:

— Если учитель Чи не против, надень мою.

— Я не против, — в улыбке Чи Шу читалась и насмешка, и торжество, глядя на Бянь Яня, он произнес, выделяя слова:

— Я, конечно же, не против.

Бянь Янь больше не отвечал, поднял надетый Чи Шу буддийский амулет, посмотрел и усмехнулся:

— Почему на нем Паньпань?

— Мое детское прозвище, — Чи Шу не смутился, протянул руку. — Хозяин Бянь, помоги мне встать, у меня тут ноги немного подкашиваются.

Бянь Янь улыбнулся ему, протянул руку и поднял его:

— Тебя в детстве звали Паньпань?

— Ага, — Чи Шу кивнул, пошел за Бянь Янем. — Когда я родился, я был очень толстым, почти четыре килограмма, мама и дала мне такое прозвище.

— Толстенький — это хорошо, — Бянь Янь открыл дверь в комнату, обернулся, взглянул на Чи Шу. — Сейчас ты слишком худой.

— Это в одежде кажешься худым, на самом деле тело стало полнее, — Чи Шу последовал за ним, только войдя в комнату, снова вспомнил кое-что и быстро достал другую цепочку с амулетом. — Вот еще одна.

Чи Шу протянул Бянь Яню цепочку с амулетом, на которой была фамилия:

— Обе я просил настоятеля храма освятить. Ничего особо дорогого, можешь просто носить, если хочешь.

На самом деле Чи Шу этими словами оставлял себе пространство для маневра, но Бянь Янь воспринял их иначе.

Бянь Янь взял деревянную табличку, уставился на нее и сказал:

— Вещь дешевая, но Чи Шу, ты дорогой.

Сказав это, он поднял руку, сделал на концах веревочки регулируемый узел и надел табличку на свое запястье.

Повертел, деревянная табличка, ударяясь о кость запястья, издавала короткие глухие звуки.

— Чи Шу, — Бянь Янь приблизился, протянул руку и обнял его, не сильно, просто легкое объятие, — я не особо любил свою фамилию, но сейчас начинаю немного любить ее.

Объятие было довольно легким, но чувство безопасности, которое оно давало, окутывало плотно.

Чи Шу протянул руки, обнял согнутую спину мужчины, губы в его волосах искали аромат:

— Тогда для меня большая честь дать хозяину Бянь такое ощущение.

Объятие было не первым, но движения были до ужаса скованными. Чи Шу боялся, что что-то выдаст, и быстро убрал руки.

Но убрав, понял, что это попытка скрыть смущение лишь усугубила неловкость.

Бянь Янь, глядя на его движения, усмехнулся, успокаивающе погладил Чи Шу по плечу и спине, затем отпустил, повернулся и вошел в комнату:

— Ужинал?

— Поужинал с двумя старушками, — дверь в комнату была широко открыта, приглашая войти, Чи Шу тоже не церемонился, сразу последовал.

Бянь Янь кивнул, в голосе слышалась доля разочарования, но он сдерживался, не проявляя сильно. Он открыл гардероб и начал подбирать Чи Шу одежду, не приглашая особо.

Не было необходимости.

Чи Шу, войдя в комнату, тоже не стал ходить где попало, просто встал за спиной Бянь Яня и окинул взглядом комнату.

Чистая, аккуратная, не похожая на жилую комнату, больше на гостиничный номер.

Чи Шу смотрел и не знал, что чувствовать, но в голове была лишь одна мысль: в будущем нужно действительно хорошо заботиться о хозяине Бянь.

Оранжево-красный закат через полукруглое панорамное окно залил пол. Чи Шу, глядя на изгиб спины Бянь Яня, почувствовал, как голова начинает нагреваться, он смотрел на движения Бянь Яня, ищущего одежду, дыхание становилось горячим, когда он приближался.

Но остановился за его спиной, затем развернулся и при свете заката начал снимать грязную одежду.

Темп движений менялся в такт звукам поиска одежды Бянь Янем, когда Бянь Янь вытащил одежду, Чи Шу быстро расстегнул последнюю пуговицу, и в момент, когда тот обернулся, чистая белая рубашка, окрашенная цветочным соком, упала на пол.

А при свете заката линия спины Чи Шу была позолочена оранжевым светом, прекрасная, словно освещенная скульптура Венеры.

Чи Шу нервно вздохнул, повернул голову и спросил:

— Что выбрал?

Это было рассчитано по времени. Чи Шу знал, что это будет прекрасно, будет очень художественно.

В игре натянутых отношений нужен не только тихий и долгий путь, но и намеренная художественная красота, и именно этого эффекта он и хотел достичь.

Комната хозяина Бянь была слишком чистой. Чи Шу хотел наполнить ее художественной красотой.

Помолчав некоторое время, Бянь Янь наконец заговорил, низким хриплым голосом позвав Чи Шу, а затем с все более тяжелым дыханием пошел к нему.

Чи Шу почувствовал все приближающееся за спиной тепло, всё тело напряглось, закрывшиеся ресницы начали слегка дрожать.

— Чи Шу, учитель Чи, — Бянь Янь остановился, расстояние между ними было близким, но они не соприкасались.

Он протянул руку, кончики пальцев скользнули по волосам.

— Очень, очень красиво, даже нереально.

Кончики пальцев несли электричество, каждая прядь волос, к которой они прикасались, покорялась.

<http://bllate.org/book/15609/1393606>